

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 5276

Воскресенье, 22-го апрѣля 1901 г.

№ 5276.

СМЕРТЬ *).

Двери отворились, и четыре служителя въ бѣломъ внесли кровать съ больнымъ. Затѣмъ вошли толпой врачи, которые совершенствовались въ вѣдѣніи знаменитаго профессора, и чернымъ роємъ

Генераль-лейтенантъ В. В. Сахаровъ, начальникъ главнаго штаба. (Послучая прїѣзда его въ Одессу 17-го апрѣля.)

Генераль-отъ-кавалеріи Д. П. Доктуровъ, назначенный членомъ военнаго совѣта.

Генераль-лейтенантъ баронъ А. В. Каульбарсъ, назначенный помощникомъ командующаго войсками одесскаго военнаго округа.

поворачивались направо и налево, и это давало ему еще болѣе спокойный видъ. Въ высокіи окна лился ровный, холодный свѣтъ солнца. Больной лежалъ, закинувъ назадъ багровое лицо, и шумно дышалъ. Три студента внимательно смотрѣли, готовя отвѣты и ощущая страхъ. Прошло нѣсколько секундъ. Профессоръ вынулъ изъ кармана боль-

размѣстившись вдоль стѣны. За ними послѣднѣе, съ видомъ страшно занятыхъ людей, вбѣжали ассистенты и усадились за своимъ столомъ сбоку у окна.

Потомъ появился самъ профессоръ. Онъ безшумно приблизился къ кровати, сдѣлавъ аудиторіи церемонный поклонъ стараго джентльмена, — при чемъ блестящій брильянтъ на его галстухѣ, — и, слегка повернувъ голову къ столу ассистентовъ, выразилъ на лицѣ ожиданіе.

Онъ былъ знаменитостью, великимъ ученымъ, лѣчилъ царей, имѣлъ безжизненное лицо стараго патриція и говорилъ безстрастнымъ голосомъ.

Щеголеватый ассистентъ стремительно вскочилъ, вынулъ книжку и рѣзкимъ голосомъ началъ выкликать фамиліи.

Вышли три студента и съ почтительнымъ поклономъ стали рядомъ съ профессоромъ. Служитель, суетясь, снялъ доски съ кровати и откинулъ одеяло.

Профессоръ, заложивъ руки въ карманы, спокойно смотрѣлъ на больного сверху внизъ. Его плечи чуть-чуть

*) Подъ заглавіемъ „Смерть Мюллера“ въ февральской книжкѣ журнала „Жизнь“ напечатанъ предлагаемый разсказъ Г. Яблочкова.

Генераль-лейтенантъ Н. И. Сухотинъ, назначенный степнымъ генер.-губернаторомъ и командующимъ войсками сибирскаго военнаго округа.

шой палецъ лѣвой руки и чуть замѣтно указалъ имъ въ сторону ближайшаго студента.

— Что вы видите? — спросилъ онъ, едва отрывая губы.

Маленькій студентъ съ розовымъ лицомъ началъ описывать то, что онъ видѣлъ.

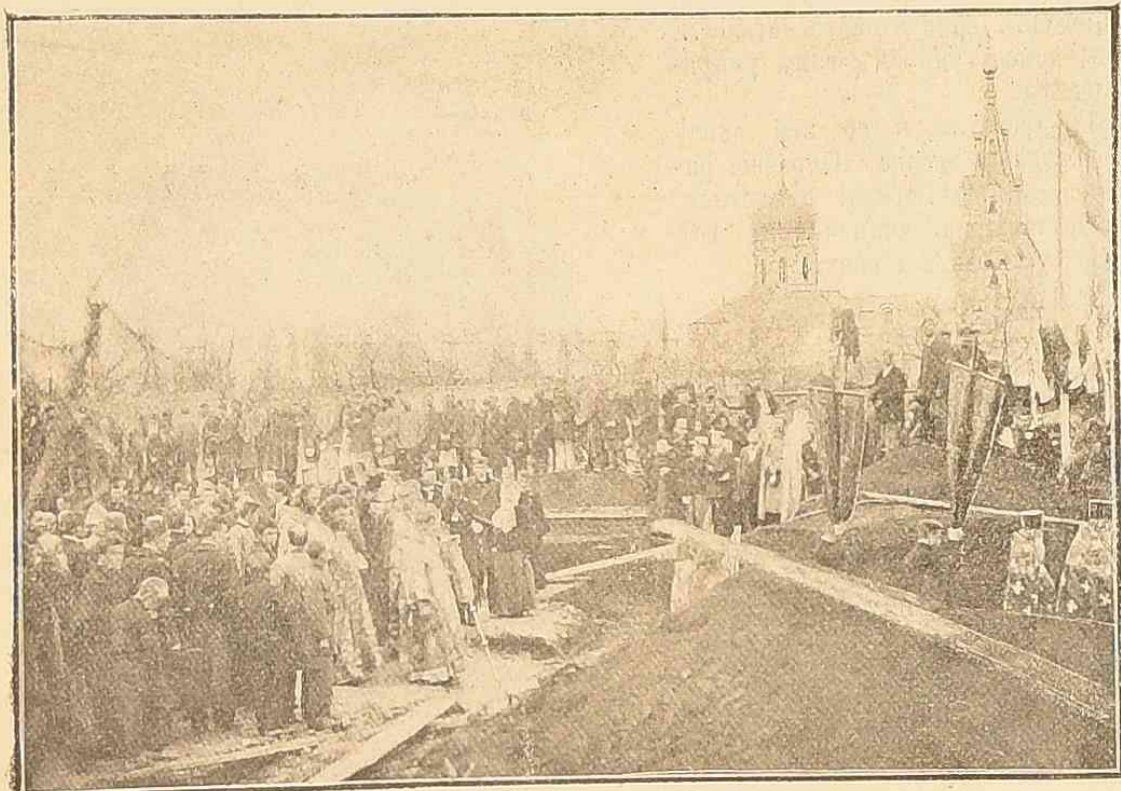
Онъ разсказывалъ дрожащимъ голосомъ, что больной — мужчина среднихъ лѣтъ, крѣпкаго тѣлосложенія, съ хорошей мускулатурой; что онъ находится, повидимому, въ безсознательномъ состояніи, лежитъ на спинѣ, и что его лицо синяго цвѣта; что его виски покрыты каплями пота, ротъ раскрытъ и дыханіе тяжело и шумно...

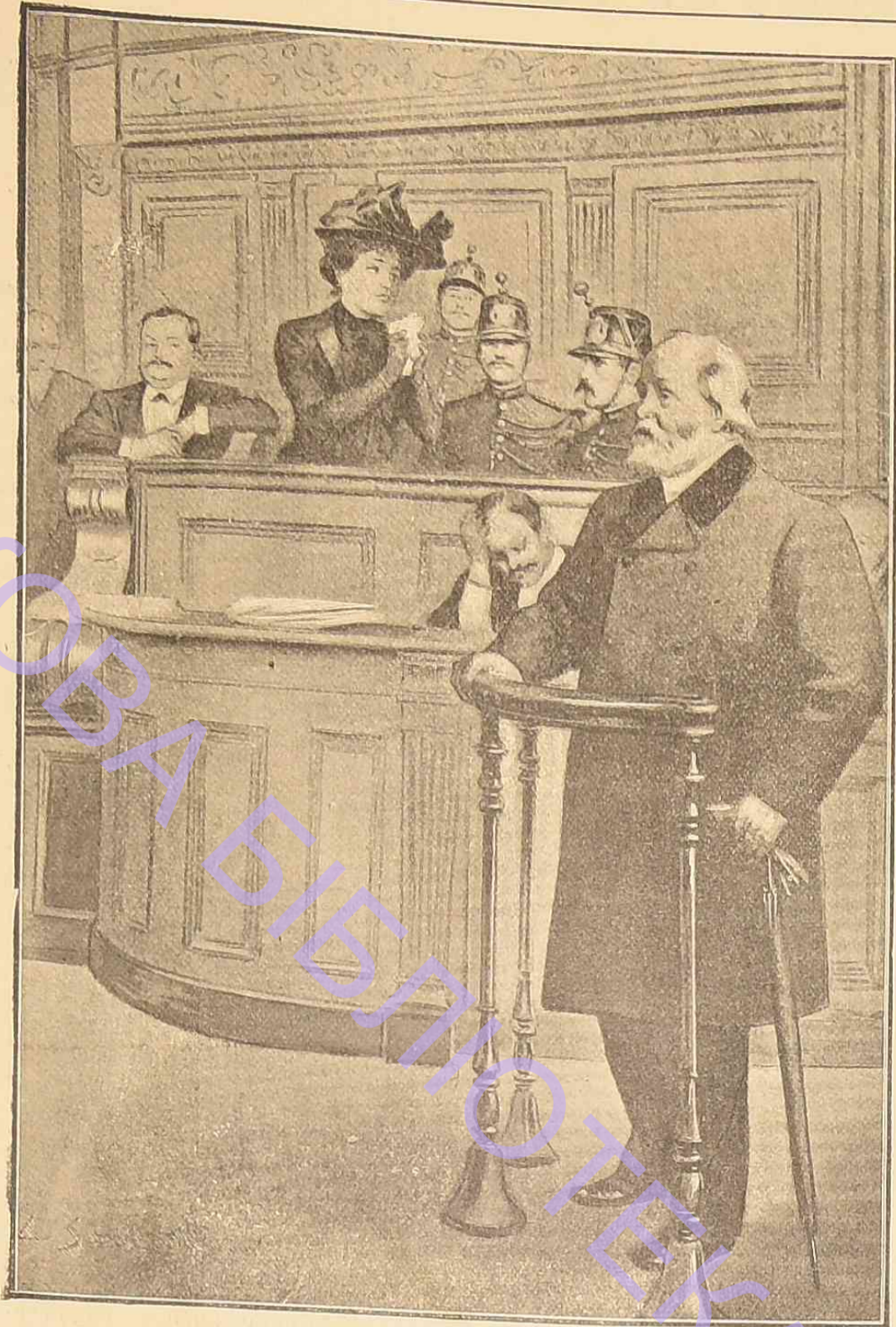
— Дальше.

Маленькій студентъ робко приложилъ руку къ лицу больного, провелъ ею по шеѣ и груди, потомъ, загнувшись, перешелъ къ ногамъ, просунувъ руку подъ одеяло и говорилъ дальше, — что кожа больного влажна и холодна наощупь, что конечности холодны тоже, и что на нихъ замѣчается отекъ.

— Дальше, — не раскрывая губъ, произнесъ профессоръ.

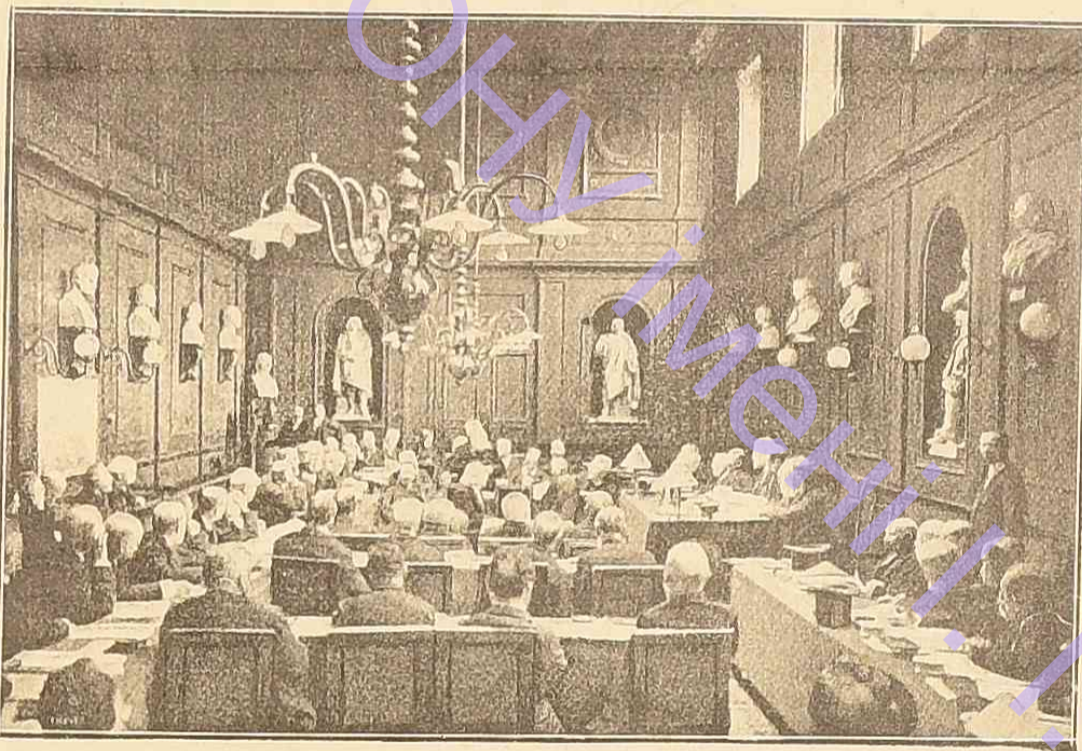
Студентъ взялъ руку больного и хо-

Процессъ Вѣры Жило въ Парижѣ.—Показаніе профессора Дешанеля.

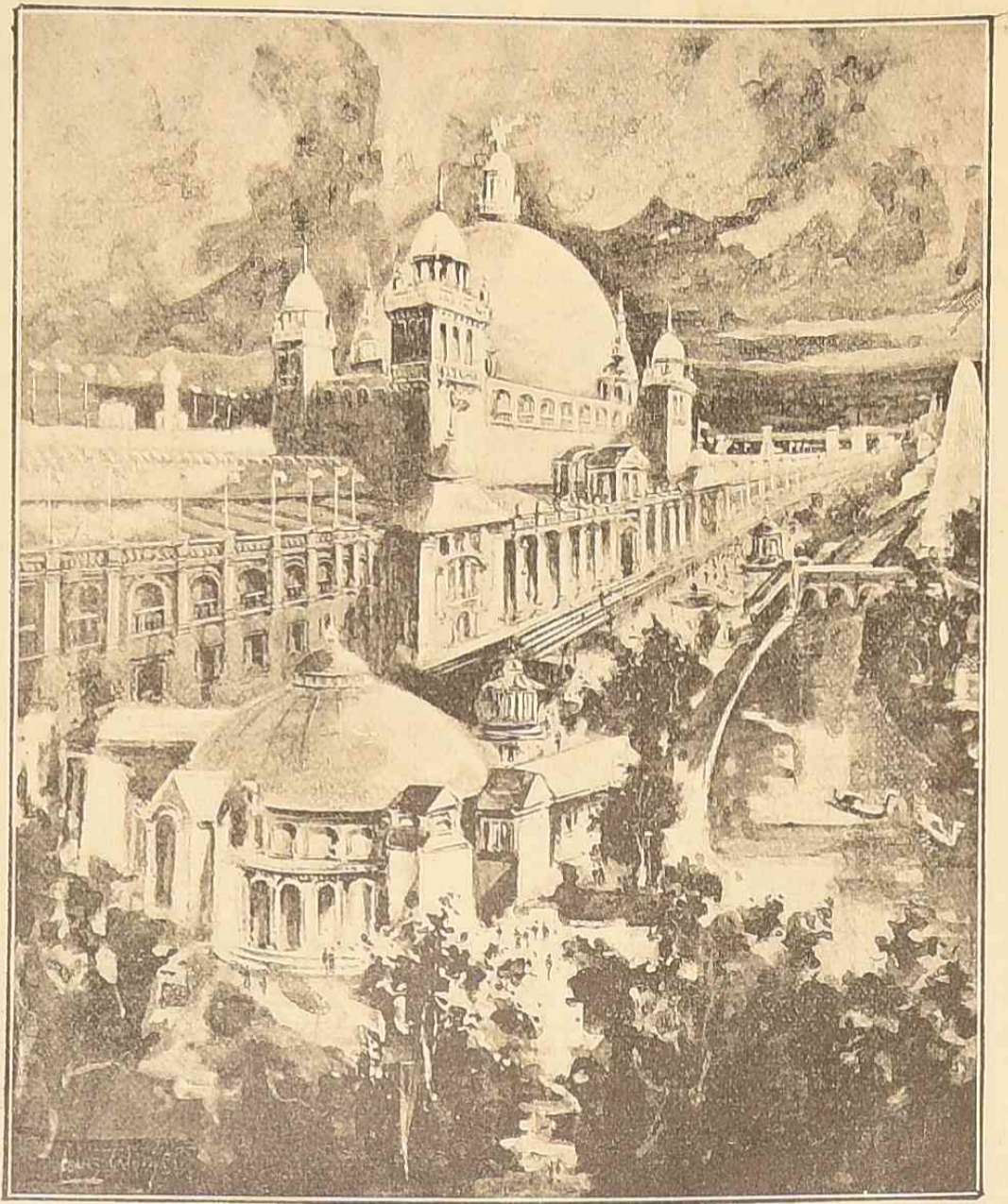
тѣль считать пульсъ.
 — Вы забыли...—сказалъ профессоръ.
 Студентъ остановился.
 Большой палецъ направился ко второму и потомъ къ третьему студенту.
 — Выраженіе лица! — отчетливо произнесъ третій, широкій, квадратный и рыжій, съ ясными, какъ у ястреба, глазами.
 — Да,—сказалъ профессоръ и снова началъ поворачиваться направо и налево.
 — Вы забыли выраженіе лица.
 Маленькій студентъ смущенно и пристально смотрѣлъ больному въ лицо.
 — Выраженіе лица безсознательное...
 —сказалъ онъ.—Пациентъ находится безъ сознанія...
 — Еще?...
 — Выраженіе... страданія... — неуверенно прибавилъ маленький студентъ.
 — Искаженное,—небрежно поправилъ профессоръ. Большой палецъ искаженныя черты лица. Мы называемъ это?..
 Палецъ кивнулъ второму и третьему студентамъ.
 — Facies Hippocratica! — снова отчетливо произнесъ квадратный студентъ.
 — Гипократово лицо. Да. Искаженныя, выражающія страданія черты. Facies decomposita. Пульсъ?..
 — Разъ, два, три, четыре... громко считалъ маленький студентъ, держа руку больного и сосредоточенно глядя вверхъ.
 — Пульсъ быстрый и слабый...

Торжественное засѣданіе международного конгресса академій въ Парижѣ.

— Да, — сказалъ профессоръ и на мигъ прикоснулся къ рукѣ. — Быстрый и слабый. Диагнозъ?..
 Маленькій студентъ смущенно молчалъ. Палецъ направился прямо къ квадратному студенту. Онъ тоже молчалъ.
 — Молчаніе сосредоточенной мысли... произнесъ профессоръ и изобразилъ на ли-

цѣ улыбку, которая сейчасъ-же, какъ въ зеркаль, отразилась на лицахъ ассистентовъ, врачей и всей аудиторіи.
 — Но я согласенъ... — продолжалъ онъ.—Диагнозъ—дѣйствительно нѣсколько

Международная выставка въ Глазго, открытая 18-го апрѣля (1-го мая).

Потомъ настала тишина, среди которой слышалось только шумное дыханіе больного, похожее на дыханіе человѣка, который напился пива и спитъ.

За окномъ, вдали, съ гудомъ промчался поѣздъ и наполнилъ все ритмическимъ грохотомъ вздрагивающихъ рельсовъ. Когда онъ стихъ, въ аудиторіи слышался опять безстрастный голосъ профессора, который говорилъ:

— Быть можетъ, насъ упрекнуть въ жестокости. Принято смотрѣть на смерть, какъ на священный актъ. Но, какъ-бы то ни было, врачъ долженъ уметь поставить діагнозъ, надо видѣть... Чтобы дать возможность видѣть, надо нарушить покой смерти... Сегодня намъ представилась возможность показать этотъ случай, — и мы сочли нашимъ долгомъ воспользоваться имъ!

— Итакъ,—продолжалъ онъ дѣловитымъ тономъ,—ваша задача—наблюдать процессъ умирания нашего пациента. А чтобы выяснитъ причину смерти, мы, не безпокой изслѣдованіемъ больного, обратимся прямо къ анамнезу...

И онъ повернулъ слегка голову къ столу, за которымъ сидѣли ассистенты.

Щеголеватый ассистентъ стремительно вскочилъ, схватилъ неисчисленный листъ бумаги и, ставъ въ позахъ кровати, началъ читать отчетливымъ и рѣзкимъ голосомъ исторію болѣзни.

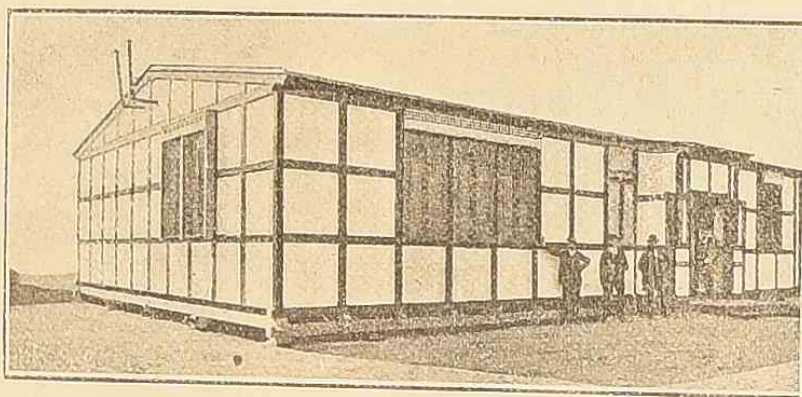
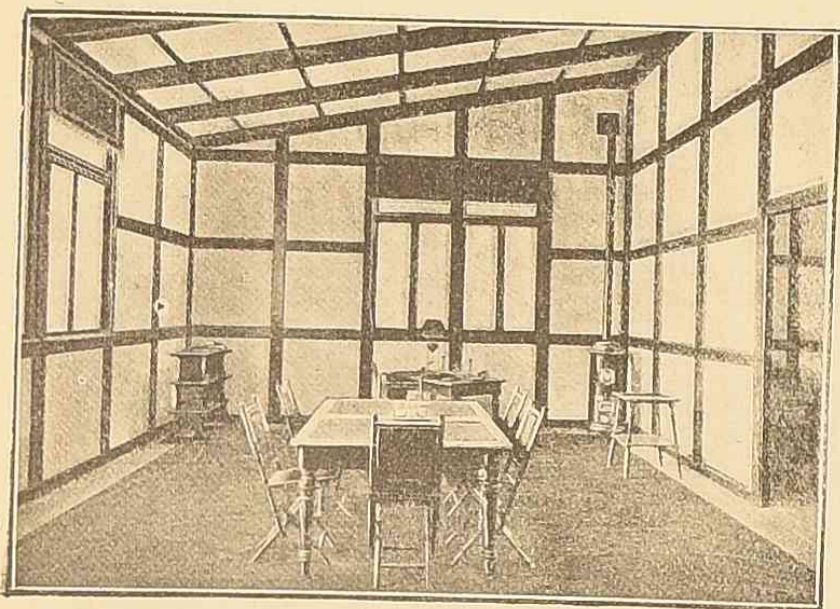
Тамъ подробно говорилось, что онъ каменщикъ, не женатъ, что онъ прежде всегда былъ здоровъ, но въ теченіе послѣднихъ лѣтъ началъ страдать серд-

трудень.. Можетъ быть, въ особенности, въ силу неожиданности случая. Поэтому... мы скажемъ его сами.

И, повышая съ усиліемъ голосъ, онъ обращаясь ко всей аудиторіи, произнесъ:

— Пациентъ... находится въ агоніи... Сегодня мы демонстрируемъ вамъ умирающаго человѣка.

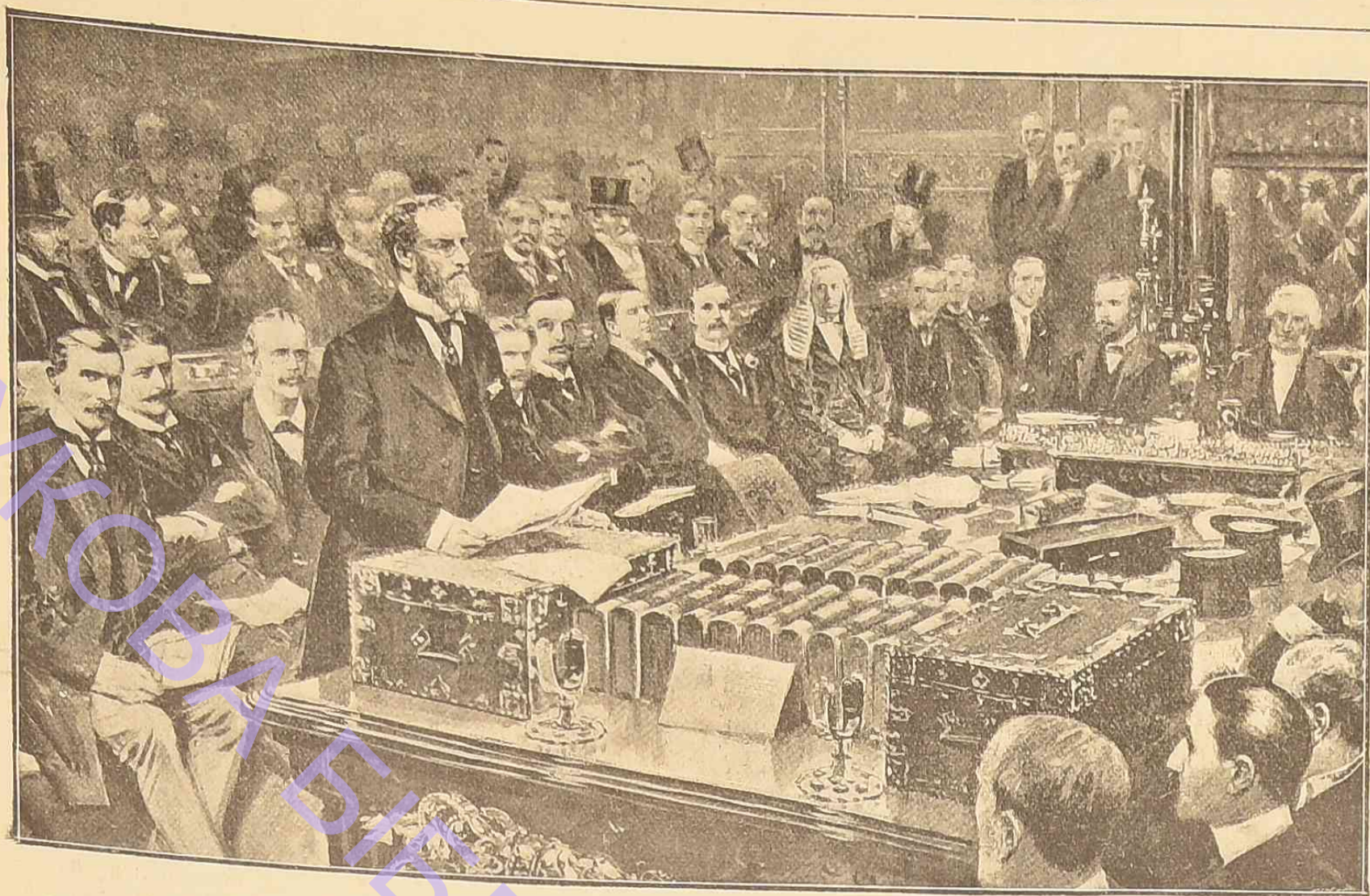
Аудиторія дрогнула, и по ней снизу вверхъ прокатилась волна. Передніе ряды нагнулись впередъ, средніе привстали, задніе взобрались на скамейки, и все глаза жадно устремились внизъ.

„Несгораемый“ домъ графа Валдерзее въ Пекинѣ, сгорѣвшій 5 апрѣля с. г.

Германская императрица на прогулкѣ.
 (Съ послѣднимъ портретомъ).

Засѣданіе англійскаго парламента 5-го апрѣля с. г. — Министръ финансовъ требуетъ налоговъ на сахаръ и уголь.

чемъ, что онъ былъ принятъ мѣсяцъ тому назадъ въ клинику, что его состояніе постоянно ухудшалось, и что вчера, въ десять часовъ вечера началась агонія...

Профессоръ слушалъ, заложивъ руки за спину и повернувъ къ ассистенту лицо съ такимъ видомъ, какъ будто то, что онъ слышалъ, было для него совершенно ново и крайне интересно.

Больной, откинувъ назадъ лицо, которое дѣлалось синимъ, продолжалъ быстро и шумно дышать, аудитория напряженно смотрѣла, а щеголеватый ассистентъ продолжалъ читать, описывая явленія агоніи и съ удовольствіемъ вибрируя голосомъ, какъ секретарь, который читаетъ протколъ суда, оканчивающійся осужденіемъ на смерть.

Потомъ онъ кончилъ, сложилъ листъ, стремительно удалился и сѣлъ. Въ аудиториіи снова раздавался безстрастный голосъ. Повернувъ въ сторону голову и дѣлая небрежные жесты рукой, профессоръ говорилъ:

— Совершенно типичный случай... Больной — каменщикъ, — онъ, такъ казало, изработалъ свое сердце... Есть цѣлый рядъ профессій, которыя ведутъ къ параличу сердца, — атлеты, акробаты, кузнецы... и такъ далѣе... Каменщики стоятъ во главѣ. И въ особенности та категорія ихъ, къ которой принадлежитъ нашъ больной. Начиная карьеру въ восемнадцать лѣтъ, къ тридцати пяти годамъ они толпами являютъ къ намъ, въ госпиталь, умирать отъ паралича сердца... Нашъ пациентъ достигъ предѣльнаго возраста... Далѣе его сердца не хватало, и онъ умираетъ... для того, такъ сказать, чтобы заполнить графу процента смертей, стоящихъ противъ его профессіи... — Онъ замолчалъ на нѣсколько секундъ, холодный, какъ зимнее солнце. — Собственно говоря, — продолжалъ онъ, какъ бы вспоминая нѣчто, — больной долженъ былъ умереть еще вчера. Но такъ какъ мы желали продемонстрировать его, то чтобы поддержать прекращающуюся дѣятельность сердца, употребили всѣ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи средства... Пациентъ получалъ...

— Впрыскиванія камфоры и эвѣра, digitalis и вино! — отвѣтилъ, вскочивъ, щеголеватый ассистентъ.

— Да... — продолжалъ профессоръ. — Впрыскиванія камфоры, эвѣра, digitalis и вино... Такимъ образомъ, мы въ теченіе цѣлой ночи и утра, такъ сказать, подливали масло въ угасающую лампаду, и, какъ вы видите, наши усилія увѣнчались успѣхомъ... Организмъ часто умираетъ, если можно такъ выразиться, изъ лѣни, засыпая, уменьшая дозу работы, хотя въ немъ остается еще значительный запасъ силъ. Возбудительныя даютъ намъ возможность исчерпать эти силы почти до конца.

— Итакъ, — заключилъ онъ, — нашъ пациентъ находится въ послѣдней стадіи агоніи. Мы назовемъ его состояніемъ?...

Палець профессора пошевельнулся въ направленіи къ студенту съ ястребиными глазами.

— Кома! — отчетливо произнесъ тотъ.

— Н-ну... — сказалъ профессоръ, нахмурившись и какъ-бы взвѣсивъ значеніе слова. — Я не знаю, можемъ-ли мы сказать это...

Онъ сдѣлалъ шагъ къ умирающему, взялъ его за плечо и крикнулъ надъ

ухомъ:

— Мюллеръ! Мюллеръ!..

Умирающій пошевельнулся и слабо двинулъ головой.

— Мюллеръ! — снова крикнулъ профессоръ и сильно встряхнулъ его за плечо.

Умирающій двинулся, простоналъ и медленно раскрылъ глаза.

— Какъ дѣла?..

Умирающій издалъ протяжный стонъ, потомъ его вѣки опустились, и онъ опять принялся быстро и шумно дышать, точно спѣша вернуться къ нужному и неотложному дѣлу, отъ котораго его оторвали:

— Онъ реагируетъ, — заключилъ профессоръ. Кома — это было-бы слишкомъ сильно. Мы предпочли-бы сказать... продолжалъ онъ, ища выраженія, — мы предпочли-бы сказать, что больной находится въ полубезсознательномъ состояніи, но реагируетъ еще на болѣе рѣзкія раздраженія вишняго міра. Его вниманіе, такъ сказать, всецѣло поглощено процессомъ его умирающаго... И онъ правъ... прибавилъ онъ вдругъ, легко кинувъ головой.

— Смерть — важнѣйшій актъ въ жизни индивида...

Ассистенты и врачи остались въ недоумѣніи, надо-ли имъ засмѣяться или итъ.

— Мы выслушаемъ сердце больного, — поднявъ брови, сказалъ профессоръ и, не глядя, протянулъ назадъ два пальца.

Щеголеватый ассистентъ вскочилъ, захватилъ черную трубку и вложилъ ее въ протянутые пальцы.

Профессоръ приставилъ трубку къ груди больного и на одинъ мигъ приложился къ ней ухомъ. Потомъ онъ выпрямился и, продолжая держать трубку, сдѣлалъ пальцемъ знакъ.

Маленькій студентъ пагнулъ тоже, но больной вдругъ сдѣлалъ короткое движеніе руками и козыкнулся въѣмъ тѣломъ. Маленькій студентъ выпрямился и растерянно взглянулъ кругомъ.

Профессоръ, заложивъ руки въ карманы, смотрѣлъ внимательно и съ ожиданіемъ. Прошло нѣсколько секундъ.

Пальцы умирающаго тихонько сжались и разжались. Потомъ онъ медленно выгнулъ грудь, двинулъ ногами

1) Г. Штейнбергеръ. 2) Бетти Стоянъ. 3) Г. Шпильманъ. 4) Г-жа Салдерсъ. 5) Г. Биндеръ. 6) В. Шульцъ, импрессаріо. 7) Г-жа Ней. 8) Г. Феличе. 9) Г. Натцлеръ. 10) Г. Ферронъ.

Вѣнская опереточная труппа, съ г-жей Бетти Стоянъ во главѣ, гастролирующая въ Городскомъ театрѣ.

и сбросилъ съ нихъ одъяло. Щеголеватый ассистентъ вытащилъ шею, потомъ векочили, подбъжали, накрыли больного и стали держать одъяло.

121-лѣтній старикъ **Иеронимъ Лопушинскій**, въ настоящее время находящійся въ одесской городской больницѣ.

(Съ фотографіи Б. Готлиба).

Профессоръ отодвинулся на шагъ назадъ и медленно произнесъ:

— Пациентъ умираетъ...

Среди студентовъ опять прокатилась волна шума. Они взобрались на скамейки, и вся аудитория превратилась вдругъ въ напряженную, жадно надвинувшуюся впередъ массу.

Профессоръ повернулся назадъ и съ видомъ любезнаго хозяина сдѣлалъ пригласяющій жестъ.

Сидѣвшіе вдоль стѣны врачи поднялись, подошли и чернымъ роємъ остановились сзади него.

— Пациентъ умираетъ, — повторилъ профессоръ.

Онъ отодвинулся еще на шагъ, вынулъ пенснэ, надѣлъ его на носъ, потомъ вложилъ руки въ карманы и, слегка поворачиваясь направо и налѣво, началъ внимательно смотреть.

Была тишина, и въ этой тишинѣ слышался только протяжный, непрерывавшійся хрипъ, который наполнялъ все, стихалъ, переходилъ въ клокотанье и, перебиваясь разными тонами, уходилъ куда-то вглубь.

— Скопление слизистыхъ выдѣлений въ дыхательныхъ путяхъ, — безстрастно говорилъ профессоръ — производить, при прохожденіи воздуха, этотъ специфическій звукъ, который является характернымъ признакомъ агоніи. Мы называемъ это?..

— Stertor, — отчетливо произнесъ квадратный студентъ.

Студенты съ красными и потными отъ напряженія лицами, сбившись на скамьяхъ и держа другъ друга за плечи, не отрываясь, смотрѣли внизъ.

Въ окна лился яркій, ровный свѣтъ. Прошло нѣсколько секундъ...

За окномъ, вдали, опять промчался поездъ и на нѣсколько мгновений покрылъ все звуки... Онъ смолкъ, опять была напряженная тишина и въ ней — странное, ровное клокотанье, какъ будто на невидимой плитѣ монотонно кипѣлъ невидимый котелъ.

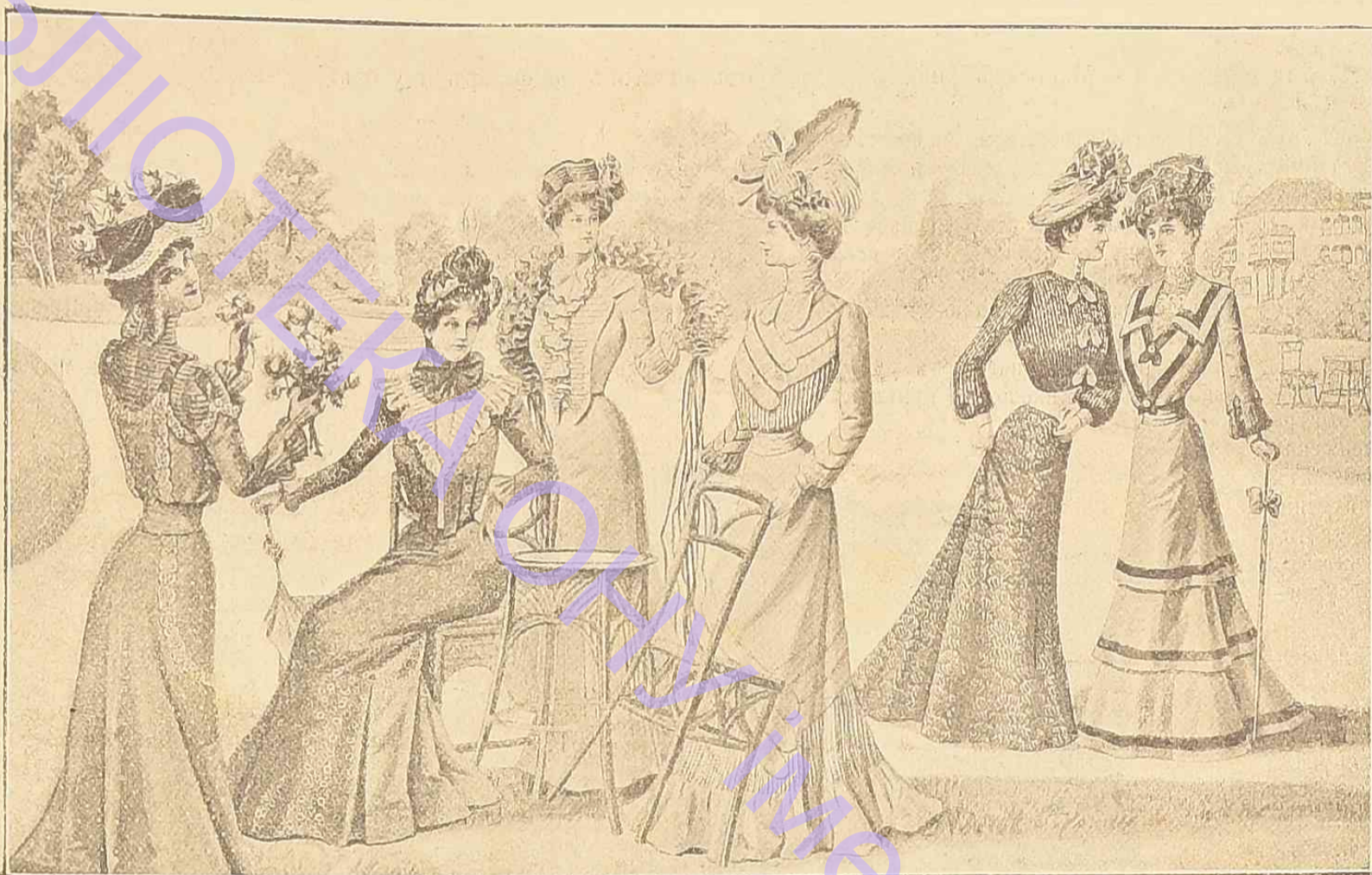
Въ заднихъ рядахъ кто-то оборвался и вдругъ съ грохотомъ обрушился внизъ. Щеголеватый ассистентъ съ угрозою посмотрѣлъ туда.

Портретъ герцогини **Девонширской**. Картина Гансборо, похищенная 20 лѣтъ тому назадъ изъ одной галлерей, нынѣ возвращенная владѣльцу и проданная имъ за 650,000 марокъ.

Новая итальянская монета въ 5 лиръ.

ПОСЛѢДНІЯ МОДЫ.

Потомъ опять тишина и ровный, яркий, холодный свѣтъ.

Лицо умирающаго вдругъ начало быстро синѣть, темнѣть, почернѣло совсѣмъ. Онъ, какъ рыба, широко раскрылъ и закрылъ ротъ, и на черномъ лицѣ на мигъ страшно выкатились бѣлки глазъ.

Потомъ онъ уперся локтями въ постель, напрягся, точно желая подняться, но вѣето того опустился, ушелъ въ подушки совсѣмъ и вытянулъ во всю длину, вдругъ сдѣлался спокоенъ, важенъ и суровъ, какъ-бы выражая молчаливое порицаніе всему окружающему.

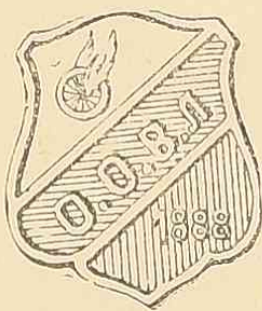
— Пациентъ умеръ... — произнесъ профессоръ. Аудитория зашумѣла, задви-

его фигуръ, затѣмъ отодвинулся на два шага, заложилъ руки за спину и безстрастно смотрѣлъ въ окно, пока четыре служителя, суетясь, вкладывали доски въ кровать и уносили сурово важно лѣжавшее тѣло.

Вотъ онъ вынулъ большіе и золотые часы, поглядѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Пациентъ занялъ больше времени, чѣмъ мы предполагали, но все-таки я, думаю, мы успѣемъ продемонстрировать еще другой интересный случай.

Служители, тяжело ступая, вносили кровать съ другимъ больнымъ. Ассистенты перешептывались и смѣялись за своимъ столомъ.

На Циклодромѣ О. О. В. Л. 22-го апрѣля
Первая Грандіозная Велосипедная Гонка

съ участіемъ чемпионовъ Россіи, Америки и Германіи
непобѣдимаго аме- **ШИЛЛИНГА**, берлинскаго **Мюнднера**, чемпиона **Уточкина**
риканца **Шиллинга**, **Мюнднера**, Россіи **Уточкина**
и всѣхъ лучшихъ гонщиковъ гор. Одессы.

Гонка автомобилей.

Начало гонокъ ровно въ 3¼ часа. Билеты заблаговременно продаются съ четверга въ магазинъ С. УТОЧКИНА, Екатерининская площадь. Оркестръ музыки съ 2¼ часовъ.

2108—2

Гг. членамъ предъявлять билеты при входѣ.